

чайных пятен-бликов, вызвало у товарищей впечатление о наличии в группе намеченных фигур стоящего у гроба Кирова какого-то призрака скелета, якобы хватающего тов. Сталина <...>.

В связи с этим мне предъявлено обвинение Правлением МОСХа в умышленной контрреволюции, выразившейся в подаче подобного эскиза. Меня Правление причислило к лагерю врагов социалистической Родины. Меня ошельмовали на заседании правления Союза художников. Я считаю, что технически незаконченный эскиз не может быть аргументом для обвинения в контрреволюции и для оскорбления меня в общественном месте, как это сделал тов. Юдин (зам. зав. культпропом ЦК ВКП (б)) назвав меня «мерзавцем».

Меня признавали и признают как талантливого молодого художника. Мои работы приняты в ряд музеев как ценные художественные произведения. Эскиз «У гроба Кирова» был признан в начале одним из серьезных набросков. Комиссия в составе тт. Стецкого, Эйдемана и др. вначале одобрила эту работу и она около 20 дней висела на выставке, не вызывая никаких нареканий <...> ... при просмотре лично тов. Сталиным фото-снимка моего эскиза говорят, что он будто бы сказал, что «художник вероятно подиутил», указав на тень призрака, стоящего в группе окружающих гроб с т. Кировым и дал на рассмотрение художникам.

Это будто бы его личное замечание некоторые художники и т. Юдин использовали для травли меня и причисления к контрреволюции.

Я пишу вам. Тов. Ворошилов, надеюсь, что Вы дадите правдивую оценку этому для меня трагическому случаю и снимите с меня незаслуженное клеймо антисоветского художника.

Я верю, что своей работой смогу оправдать почетное звание советского художника.

Умоляю вас – дать указания кому следует о прекращении кошмарной травли, развернутой против меня и о восстановлении меня в правах члена Союза художников.

Преданный Вам художник Михайлов Н. И.⁷

Письмо имеет постскрипtum, принадлежащий кому-то из родственников: «Это письмо тов. Михайлов подписать не смог, т.к. ночью 26 января 1935 г. он был арестован НКВД»⁸. Чем закончилась эта драматичная история, стало известно только после краха СССР. Картина Михайлова была уничтожена, ее автор – арестован, сослан в Воркуту, а потом в Ухту. Через 5 лет он умер [Великанов]. Неизвестна реакция Ворошилова на письмо мало знакомого ему художника. Зато Ворошилов был персональным патроном и гарантом быстрого продвижения по статусной и карьерной лестнице таких «классиков» социалистического реализма того времени, как И. Бродский или Е. Кацман.

Однако наиболее тесные, теплые и продолжительные отношения установились у Ворошилова с Александром Михайловичем Герасимовым (1881–1963) – председателем Оргкомитета Союза советских художников, народным художником СССР, академиком и президентом Академии художеств СССР, доктором искусствоведения, лауреатом Сталинской премии 1941, 1943, 1946 и 1949 гг. После войны А. Герасимов сосредоточил в своих руках почти все рычаги управления изобразительным искусством, добился исключительно привилегированного положения, монополизировал доступ к наиболее интересным и денежным заказам, превратился в одиозную фигуру художественной жизни. И, хотя он неоднократно попадал в ситуации почти бойкота со стороны коллег, житейские передеряги и даже судебные разбирательства, Ворошилов во многих случаях его выручал.

Знакомство художника с Ворошиловым произошло при посредничестве скульптора Денисовой-Щаденко в 1927 г. [Воронова]. Вскоре отношения военачальника и живописца становятся все более прочными, Ворошилов в письмах не раз называет Герасимова своим личным другом, они встречаются семьями, делятся впечатлениями о событиях культурной жизни. Это знакомство пришлось очень кстати в конце 1920-х гг.: художник оказался в чрезвычайно опасной ситуации: из-за социального происхождения и родственных связей мог быть поставлен крест на его судьбе.

Дело в том, что Герасимов родился и вырос в Козлове, в семье прасола – торговца лошадьми. Его отец владел 70 десятинами земли. После революции часть собственности семьи была экспроприрована. В аренде остались 2 десятины земли под огород, и, поскольку Герасимов не мог прокормить всю семью (6 иждивенцев), его родственники сами должны были искать себе средства к существованию, приторговывая на рынке. На фоне политики тотального вытеснения частного предпринимательства семья художника оказалась перед угрозой полного разорения и высылки. И 27 декабря 1929 г. Герасимов пишет Ворошилову письмо с просьбой защитить его семью от раскулачивания⁹. Почти через месяц, 21 января 1930 г., Ворошилов ходатайствует перед Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым:

Меня в этом деле интересует только художник Герасимов. Он принадлежит к группе старых, притом хороших мастеров, которые работают с нами с Октябрьской революции. Насколько я его знаю, сам Герасимов – типичный представитель художественной богемы. В Москве он живет и работает в полуразвалившейся студии Б. Коненкова. Живет полубосаяцкой жизнью, думаю, не совсем сытой. Учитывая ценность худ.Герасимова, мне кажется, ему надо помочь вылезти из всей этой истории, поскольку он связан со своей семьей.

Что просит худ. Герасимов? Рассрочить на два месяца уплату последнего налога в 720 рублей и не налагать на него дальнейших налогов. Никакой торговлей и арендой земли семья больше заниматься не будет и перейдет на его полное иждивение. Если дом, принадлежащий его семье, подлежит муниципализации, оставить его в пожизненную аренду худ Герасимову за его художественные заслуги перед Республикой.

Не могу судить, насколько эти просьбы выполнимы, но думаю, что худ. Герасимову необходимо обязательно помочь и этим сохранить его работоспособность¹⁰.

Просьба Ворошилова была услышана: семью художника оставили в покое, позволив ей фактически сохранить недвижимость и избежать репрессий.

Поддержку от Ворошилова Герасимов получает и в тяжелейшие моменты Великой Отечественной войны. Скажем, во время жесточайшего транспортного дефицита семья художника эвакуировалась из Москвы в отдельном, специально для нее выделенном вагоне. В 1942 г. под влиянием пессимистических новостей с фронта Герасимов эвакуировался в Тбилиси, хотя лично обещал «милому дорогому моему Клименту Ефремовичу», что никогда не уедет далеко от Москвы, «уверенный в наших победах»¹¹. Этот шаг нанес серьезный удар по репутации художника, и Ворошилов помог смягчить его. Он же поспособствовал быстрой реэвакуации Герасимова, что было очень непростым делом.

Ворошилов поддерживал своего клиента даже тогда, когда Герасимов оказался в опале. После смерти Сталина, с началом проведения нового курса в культуре, Герасимов очутился едва ли не в полной изоляции, в ситуации едва ли не бойкота в художественном сообществе [Вовн, 1993, р. 121–139, Шевцов, 1996]. Герасимов перестал быть медийной персоной и, раздраженный и оскорбленный новым для него положением, он 24 октября 1956 г. обращается к своему многолетнему покровителю:

Дорогой глубокоуважаемый Климент Ефремович. Вы так много сделали для меня. Простите меня за это письмо. Вы видели мою выставку. Несмотря на то, что пользуется хорошим успехом у зрителей о ней нет ни слова в таких газетах, как Правда, Советская культура, Литературная газета, Вечерняя Москва – у меня опускаются руки. Я написал об этом Никите Сергеевичу. У меня нет надежды, что бы он так занятый государственными делами посетил выставку... прошу Вас если будет случай сказать ему Ваше впечатление о моих произведениях. Я уже рассказываю, что я сделал эту выставку. Преданный Вам и уважающий вас А. Герасимов¹².

Ворошилов продолжает заботиться о семье Герасимова и его репутации и после смерти художника. Он пишет письмо секретарю ЦК КПСС, Председателю Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совету Министров СССР тов. А. Н. Шелепину с просьбой проверить наличие вкладов и движение средств Герасимова. Дело в том, что после его смерти был обнаружена только одна сберкнижка с незначительной суммой, что показалось странной его вдове и дочери, считавшим, что характерной чертой Герасимова была доверчивость в отношениях с людьми, «отсутствие меркантильности, а иногда и чрезмерная забывчивость к своим должникам, беспечность к хранению документов»¹³. Проверка никаких новых вкладов и криминала, связанного с наследством А. Герасимова, не выявила.

Покровительство, оказанное Ворошиловым А. Герасимову, было гарантией его феноменального продвижения во власть. Но оно не помогло, а, скорее, помешало взвешенной оценке места этой личности в истории изобразительного искусства эпохи сталинизма. После смерти Герасимова не были созданы государственная комиссия по организации его похорон, комиссия по учету и сохранению художественного наследия. Не было мероприятий по увековечиванию его памяти, не было даже некрологов в центральной печати. Возможно, это типичная судьба фаворитов власти.

Несколько сюжетных линий, рассмотренных в этой публикации, позволяют судить о том, насколько разноплановые и насыщенные уникальными деталями исследования советского искусства можно вести на базе архивного фонда Ворошилова, и обозначить одно из актуальных направлений исследования – социальную историю художественной жизни.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 2–2 об.
- ² Там же. Л. 26.
- ³ Там же. Л. 8.
- ⁴ Там же. Д. 292. Л. 35–39.
- ⁵ Переписка А. Герасимова и К. Ворошилова разносторонне представлена помимо РГАСПИ в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), особенно в коллекциях материалов, связанных с деятельностью Комитета по делам искусств СССР. См., например: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Д. 31. Л. 90–93.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 12–19.
- ⁷ Там же. Д. 292. Л. 122–124.
- ⁸ Там же.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 299. Л. 17–18 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 14–14 об.
- ¹¹ Там же. Л. 9–9 об.
- ¹² Там же. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 19.

Библиографический список

- Великанов В. И.* Судьбы людские: семейная хроника / вступ. ст. С. Г. Дроздова; ред. С. Волкова. М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8715> (дата обращения: 08.10.2011).
- Воронова Т. И.* А. М. Герасимов и К. Е. Ворошилов [Электронный ресурс]. URL: <http://amgerasimov.ru/amgerasimov-and-kevoroshilov.html> (дата обращения: 08.10.2011).
- Герасимов А.* За социалистический реализм. М., 1952.
- Клим Ворошилов: покровитель муз и никудышный стратег [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/38408> (дата обращения: 08.10.2011).
- Манин В.* История из истории // Творчество. 1989. № 7.
- Медведев Р.* Они окружали Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://soratniki.chat.ru/index.html> (дата обращения: 08.10.2011).
- Описание личного фонда К. Е. Ворошилова в Российском государственном архиве социально-политической истории [Электронный ресурс]. URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=8341> (дата обращения: 08.10.2011)
- Стенограмма экстренного заседания правления МОССХ от 23 января 1935 г. // Континент. 1992. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/148/mo45.html> (дата обращения: 08.10.2011)
- Турченко С.* Илья Репин: «От почестей освободите. Я лучше приплачу» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svpressa.ru/all/article/43895/> (дата обращения: 08.10.2011)
- Чуев Ф.* Полудержавный властелин. М., 2000.
- Шевцов И.* Великое служение отчизне // Мол. гвардия. 1996. № 9.
- Янковская Г. А.* Искусство, деньги и политика: художники в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.
- Bown M.* Alexander Gerasimov // Art of the Soviets: Painting, Sculpture & Architecture in a one-Party State, 1917–1992 / eds. by M. Bown, B. Taylor. Manchester; New York, 1993.
- Bown M. C.* Socialist Realism painting. New Haven, 1998.
- Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York; Oxford, 1999.
- Kelly C., Miner-Gulland P.* Interpretation of Socialist Realism: Petrov-Vodkin versus Gerasimov // Russian Cultural Studies: an Introduction / ed. by C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998.
- Tolz V.* «Cultural Bosses» as Patron and Clients: the Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period // The Contemporary European History. 2002. Vol. 11, № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.10.2011